

Смерть всегда выбирает лучших



Веселый, общительный, доверчивый, всегда в компании друзей... Он хорошо рисовал и охотно участвовал в школьной самодельности. Умел со всеми ладить, младшие ребята к нему прямо липли. Никогда не обижал девочек, и вообще никто в селе не скажет, что кому-то он сделал плохое. Очень уступчивый, добрый. Появились у него, к примеру, модные джинсы, предмет его давних мечтаний, а они понравились сестре, так он без разговоров расстался с ними. Очень трудолюбивый, он старательно и хорошо учился, много помогал родителям, любил свою семью, был приветлив со всеми и почитателен к старшим.

Про умерших говорят только хорошее или ничего — это непреложное жизненное правило к Саше Илюшину не относится. Потому что все, кто знал его, запомнили Сашу именно таким. Потому что он был таким. Вернувшись из школы, он сбрасывал пальто — и за уроки. И ведь не сядет за стол обедать, пока все не выучит. Такой уж был у него характер, что потруднее — делать в первую очередь. И ни минутки у него свободной, все при каком-нибудь занятии. Он легко запоминал песни и, обладая хорошим голосом, часто пел их дома. Особенно любил в детстве петь про юного барабанщика, выводил мелодию звонко, чисто, прямо заслушаешься. Повзрослев, полюбил песню «Не плачь, девочка!» Научился играть на гитаре, любил поплясать в праздники и вообще в нуж-

ный момент умел быть душой компании. Маму свою любил веселой, бывало, заиграет «Вологду» и командует: «Ну-ка, мама, пой!» А если она начнет отмахиваться, мол, уж годы не те, обижался: «Нет, мамочка, ты не старая, я не хочу, чтоб ты старела!»

Чего не любил Саша, так это ныть, жаловаться, прятаться за чужие спины. Он был открытым и прямодушным, всеми нехитрыми мальчишескими секретами делился с матерью, но жалоб она от него не слышала. Уже будучи студентом Молочного института упал с мотоцикла так, что шлем вдребезги разлетелся, но знала об этом только сестра, которая много позже проговорилась родителям. Травмы сказались на здоровье, когда работал в стройотряде, голова и спина болели так, что даже друзья заметили, но он не бросил работу. Это было как раз перед призывом в армию, можно было отсрочить его на полгода по состоянию здоровья, но Саша скрыл недомогание от медкомиссии.

Единственное, что огорчало мать в сыне, он рано начал курить, класса с девятого. Она пыталась ругать его, грозились сказать отцу.

— Папа меня поймет, — возразил он. И верно, Юрий Модестович отнесся к поступку сына по-житейски мудро.

— Чего строишь? — сказал он жене. — Будет тайком курить — еще хуже, дай, окурочку заронит.

Больше к этой теме в семье не возвращались.

...Перед армией он закончил в Белозерске курсы шоферов. В день призыва был сдержан, прочтывая, по-мужски серьезно называя отцу: «Живите с мамой дружной, береги ее, не обижай». И потом в каждом из немногих писем, которые успел прислать «оттуда», делал неперемнную приписку: «береги, мама, себя». Он очень любил мать, знал, что у нее слабое здоровье, и, как мог, оберегал ее даже издалека.

— Как и взяли его, я все плакала, — рассказывает Зоя Алексеевна.

Чуяло, чуяло материнское сердце неосознанную еще тревогу. Немного успокоения принесла короткая весточка из Выборга: «Чтобы знали, где я», — писал Саша из воинской части. А потом новая весточка, уже из Туркменистана,

и опять заныло у Зои Алексеевны сердце в предчувствии беды, тем более что понимала, в такую даль и на присягу к сыну не бывать.

В первом письме из Афганистана Саша ни словечком не обмолвился о месте службы, но чуток сердце матери замерло и покатило, интуитивно почувствовал: оттуда. Тогда еще об этом не принято было распространяться, и даже про себя Зоя Алексеевна не смела выговорить это страшное слово Афганистан. А в письме и впрямь ни намек не было на это. Саша сообщал, что служба проходит нормально, «...трудности, если и будут, то мой долг — справиться с ними. Ну как у вас там дела в клубе? Чем дышит наша молодежь? Вот пройдет два года, приеду домой и, наверно, мама, останусь дома. Не знаю, почему-то так решил...»

Каждое письмо его пронизано нежностью и заботой о семье, о друзьях. «Как там учится Николай? — спрашивал он о брате. — Наверно, опять нахватал двоек? Вот приеду из армии, покажу ему, где раки зимуют...»

Но не суждено было сбыться этому Сашину обещанию. 26 февраля 1984 года четыре душманских пули предательски подстерегли его на ратном поле чужой земли.

...Накануне было 8-е Марта, но Зоя Алексеевна никуда не пошла в гости, болела. Не первый день немоглось ей, томилось сердце в неясном предчувствии, все вспоминала сына. Но плохих мыслей не было в голове, уж больно светлые, обнадеживающие писал он письма. А в сельском Совете уже все знали, но не спешили к Илюшиным со страшным известием, все-таки праздник. Решились сказать только на другое утро: «Крепись, Зоя...» А печальный катафалк уже подъезжал к дому. И еще не осознав услышанное, Зоя Алексеевна шестым чувством поняла: случилось непоправимое. Последующие дни она помнит плохо, хорошо, что рядом все время были люди. Первое время часто заходили, заезжали к ней Сашины друзья, одноклассники. Вместе ходили на кладбище, по долгу молча стояли у могилы. По-

том эти визиты стали все реже и реже, и Зоя Алексеевна не обижалась, понимая, что жизнь берет свое и у ребят свои заботы. Никогда не зарастет к дорогой могиле лишь материнская тропа...

На всех трех могилах погибших в Афганистане наших парней-земляков высятся одинаковые обелиски из черного гранита. Камень хранит лишь имена героев, даты короткой их жизни и лаконичную надпись «Погиб при исполнении служебных обязанностей». Еще четыре-пять лет назад о причине и месте их гибели знали очень немногие: по чьему-то нелепому соизволению на афганскую тему было наложено железное вето. Но времена меняются. Нынешним летом мы со вторым секретарем райкома ВЛКСМ Т. Паниной, с своими интернационалистами помощником военкома С. Лобановым и А. Аркатовым, инструктором райкома КПСС Л. А. Мочаловым побывали на могилах двух других погибших наших земляков Сергея Егорова и Коли Чащина. По просьбе матери Николая на его обелиске с нашей помощью появилось еще одно слово, все поставившее на свои места, «в Афганистане». Мы заверили родителей Сергея и Саши, что можем донести текст и на обелисках их сыновей. Пусть торжествует правда. Ведь какой бы горькой и страшной она ни была, это тоже частица нашей истории, и мы не имеем права ни утаивать, ни приукрашивать ее. За нее, эту правду, всем, кто знал и молчал, еще предстоит нести ответ перед потомками.

Время лечит любые раны, и только родительское сердце всю жизнь будет кровоточить и саднить болью непоправимой утраты. Горе матери, пережившей сына, только ей самой и дано прочувствовать и понять. Имеем ли мы право судить их за то, что порой, глядя на счастливых сверстников своих сыновей, они ловят себя на эгоистичной мысли: «Почему нет именно моего?» Что мы можем сказать им в утешение? Разве только то, что смерть во все времена выбирала лучших.

Т. ПОГОДИНА.

На снимках: Саша Илюшин, каким его запомнили родные и друзья в предпоследний год его жизни; на могиле Сергея Егорова.

